

На наш взгляд, «цифровой закон» – это совокупность правовых норм, которые регулируют взаимоотношения в Интернете и социальных сетях, а также определяют права и обязанности субъектов, задействованных в этих системах.

Следует отметить, что любая технология должна служить на благо человека и его интересов.

Например, участие при помощи информационных систем людей в процессе разработки нормативно-правовых актов и выражение своего мнения является одним из средств эффективного обеспечения прав и законных интересов граждан, а также проявлением принципа «человеческое достоинство» в сфере законодательства.

В качестве заключения следует отметить, что внедрение цифрового нормотворчества, свободного от бумажной волокиты и бюрократии, создаст прочную и эффективную основу законодательной базы.

Список литературы

1. Стратегия Генерального секретаря в отношении новых технологий. URL: <https://www.un.org/en/newtechnologies/images/pdf/SGs-Strategy-on-New-Technologies-RU.pdf>
2. Залоило М. В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22–37. DOI: 10.12737/jrl.2020.065
3. Что представляет собой искусственный интеллект? URL: <https://www.sap.com/central-asia-caucasus>
4. Рукавишникова И. Искусственный интеллект повысит скорость нормотворчества. URL: <https://www.pnp.ru/social/rukavishnikova-iskusstvennyy-intellekt-povysit-skorost-normotvorchestva.html>
5. IGI Science and Technology. URL: <https://www.igi-global.com/dictionary/digital-law>
6. Digital law. URL: <http://millerdigitalcitizenship.weebly.com>

А. Б. Чиквин,
аспирант,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Уральский институт управления)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка обобщения изменений, затронувших категорию юридического факта в науке теории права и государства в условиях цифровой трансформации права. Даны предложения по классификации этих изменений, а также пути для развития научной дискуссии. Выдвигаются тезисы об условиях неизменности некоторых видов юридических фактов и о создании предпосылок для разграничения наблюдаемых явлений.

Ключевые слова: юридический факт, деяние, правонарушение, гражданское состояние, цифровое право, субъект, правоспособность, дееспособность

LEGAL FACT IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. The work makes an attempt to generalize the changes that affected the category of legal fact in the science of the theory of law and state in the context of the digital transformation of law. Suggestions for classifying these changes are given, as well as ways to develop scientific discussion in the future. The author also puts forward a thesis about the conditions for the immutability of certain types of legal facts, and creates prerequisites for distinguishing between observed phenomena.

Keywords: legal fact, act, offense, civil status, digital law, subject, legal capacity, capacity

Введение. В научной литературе достаточно полно исследованы изменения, которые произошли с отдельными видами юридических фактов в условиях цифровой трансформации. Например, И. Р. Бегишев описывал проблему преступлений в сфере обращения цифровой информации [10], М. В. Вронская занималась вопросом трансформации формы сделки [5. С. 138–139]. Однако, на наш взгляд, до сих пор не было предпринято попытки обобщить те изменения, которые коснулись юридического факта как категории науки теории права и государства в условиях цифровой трансформации. В рамках представленных тезисов выдвигается гипотеза, что изменения, произошедшие с юридическим фактом в условиях цифровой трансформации, носят систематический характер, а, значит необходимо выделить тенденции происходящей трансформации с юридическими фактами.

Концептуализация событий как юридических фактов в цифровом пространстве. В науке теории права и государства принято, что события как вид юридических фактов происходят независимо от воли человека [2. С. 242–243]. При этом они могут носить как характер абсолютных явлений (возникающих и протекающих независимо от воли человека), так и характер относительных (возникающих по воле субъектов, но протекающих в дальнейшем независимо от них).

Анализируя, претерпевают ли абсолютные события какую-либо цифровую трансформацию как вид юридического акта, необходимо отметить, что сегодня таких предпосылок нет. Можно говорить лишь о появлении новых видов таких фактов, которые вызваны к жизни самим развитием технологий. В частности, можно выделить такое событие, как отключение критической инфраструктуры, произошедшее в силу аппаратного сбоя. Если это отключение не является следствием применения вредоносного программного обеспечения или иного неконтролируемого события (например, отключения серверов от электросети), то необходимо признать, что оно носит абсолютный характер.

Вне всякого сомнения, такое событие будет носить характер юридического факта, поскольку с неизбежностью будет порождать юридические последствия. Самая очевидная ситуация – субъекты пропустят процессуальные сроки и не смогут вовремя реализовать свои права или выполнить обязанности, которые они намеревались осуществить посредством информационных систем (портала Госуслуг, портала ГАС «Правосудие» и иных).

Из сказанного следует сделать вывод, что, хотя абсолютные события и не претерпевают цифровую трансформацию как вид юридического факта, необходимо нормативное признание в таком качестве тех из них, которые еще не получили его в силу своей новизны.

Что касается относительных событий, то научное сообщество разошлось в своем понимании своеобразия происходящих с ними изменений. Так, Д. А. Матанцев справедливо полагает, что действующее законодательство считает биологическую смерть, фиксируемую смертью головного мозга, фактом, прекращающим правосубъектность и правовой статус лица [8. С. 46–47].

Не отрицая однозначности такого подхода, необходимо отметить, что цифровые технологии уже сегодня ставят под сомнение справедливость определения факта биологической смерти по смерти головного мозга. В частности, появляются и проводятся эксперименты, которые позволяют оцифровать сознание человека, что во взаимосвязи с данными о его жизненном опыте позволит продлить его существование [1. С. 46–47]. Поскольку такие исследования не завершены, то для юридического сообщества еще рано формулировать однозначное определение, – является ли результат такого эксперимента «тем же самым» человеком (и, следовательно, факт смерти претерпел цифровую трансформацию) или имеет место возникновение новой правосубъектности (и тогда смерть осталась неизменна как юридический факт).

На данной стадии необходимо сделать вывод, что относительные события уже не являются таким незыблемым видом фактов, который был бы неспособен пройти цифровую трансформацию в силу своей конструкции. По крайней мере, в теории такие изменения могут произойти.

Концептуализация различных деяний в цифровом пространстве. Деяния как вид юридических фактов уже возникают и развиваются по воле участников правоотношений [2]. Перечисление и выявление тех особенностей, которые связаны с цифровой трансформацией деяний, находится за пределами нашей публикации. В этой связи необходимо отметить, что эти особенности наиболее полно рассмотрены в научной литературе. Так, Л. Г. Ефимова описывала проблемы правовой квалификации электронной формы сделки. Она указывала, в частности, что природа электронной формы сделки традиционно определяется как разновидность простой письменной сделки [7. С. 54–55] и что такой подход будет в будущем тормозить развитие общественных отношений.

С введением в ст. 309 Гражданского кодекса РФ легального определения смарт-контракта стало очевидно, что сделки как вид юридических фактов претерпевают изменения в связи с цифровой трансформацией. На это указывает законодательно определенная дефиниция, согласно которой исполнение обязательств по таким сделкам стало возможно без отдельно выраженного волеизъявления сторон. А конкретно – путем применения информационных технологий.

Что же касается противоправных деяний (как правонарушений, так и объективно противоправных деяний), то они в полной мере подверглись цифровой трансформации как вид юридических фактов. Эти изменения широко дискутируются научным сообществом. Например, В. В. Архипов рассуждал, являются ли широко применяемые в многопользовательских онлайн-играх аватары пользо-

вателя обычным элементом игрового дизайна или эта ситуация складывается иным образом [3. С. 62].

Ведь если противоправное деяние совершено каким-либо субъектом, то в таком случае будет идти речь о правонарушении, а если в этом деянии мы не усматриваем субъектного состава, то в таком случае будет разрешаться вопрос об объективно противоправном деянии.

Этот вопрос напрямую отсылает нас к дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта, роботов, а также цифрового образа человека. Масштабность дискуссии не позволяет в рамках настоящих тезисов привести соображения на этот счет, в связи с чем этот аспект будет рассмотрен в последующих публикациях.

Концептуализация различных состояний в цифровом пространстве. Цифровая трансформация состояний как вида юридических фактов на сегодняшний день является наименее изученным вопросом. При подготовке тезисов автору не удалось найти уже вышедших публикаций, посвященных этой проблематике.

Этому способствует в первую очередь такая характеристика состояний, как длительность. На данном этапе исследований сложно представить, каким образом состояние в родстве, браке или гражданстве могло бы измениться под воздействием цифровых технологий. Высказываются первые смелые предположения, что такие состояния могли бы в перспективе распространяться на отношения, связанные с цифровым образом человека. Однако, как справедливо отметил В. О. Пучков, пока с доктринальной и практической точки зрения представляется оправданным исходить из того, что действия, совершенные с использованием цифрового образа субъекта, не считаются совершенными субъектом, если не доказано иное [9. С. 147].

Относительно состояний объектов правоотношений (этажности дома, породы скота и т. д.) не высказывается пока даже таких предположений. Рассуждения же, что гипотетически такие состояния могут приобрести цифровое измерение (например, у дома может появиться «цифровой» этаж), относятся к области научной фантастики и не могут быть положены в основу научных тезисов.

Таким образом, можно сделать вывод, что состояния как вид юридических фактов не рассматриваются научным сообществом как претерпевающие цифровую трансформацию. Из сказанного, однако, не следует, что это будет невозможно в будущем.

Второй вывод, который необходимо сделать в этом разделе, касается юридических составов. Приведенные выше примеры привлекли внимание именно в связи с тем, что они рассматриваются не как одиночные юридические факты, а как сложные факты, различные составные части которых могут претерпевать цифровую трансформацию.

Таким образом, хотя отдельные факты в рамках одного состава могут быть устойчивыми к различного рода изменениям в цифровом правообороте, все же сами составы будут трансформироваться.

Заключение. Л. Ю. Василевская и другие высказывали мнение, что анализ правовых конструкций в цифровой среде некорректен, поскольку отсутствуют законодательные предписания, регулирующие фактические отношения в цифровой среде [4. С. 9]. При этом фрагментарный анализ отдельных явлений не снимает

с повестки дня необходимости глубокого осмысления трансформации юридического факта как категории науки. Е. А. Громова и С. А. Петренко также солидарны в том, что масштабная, глобальная и интенсивная цифровизация и появлений новых технологий уже привели к возникновению правовой неопределенности и потребовали поиска более гибких подходов к правовому регулированию [6. С. 77].

Юридический факт как категория науки теории права и государства в условиях цифровой трансформации оказался в значительной мере устойчив к различного рода изменениям. Так, пока нельзя говорить о какой-либо трансформации состояний или абсолютных событий в чистом виде. В то же время они могут входить в сложные факты (юридические составы), которые уже подвластны такой трансформации.

Способность того или иного факта к цифровой трансформации неразрывно связана с волеизъявлением субъекта, независимо от того, направлено оно на возникновение факта или нет. По этой причине наиболее подвержены трансформации факты, которые возникают и проистекают по воле субъекта (как правомерные, так и противоправные).

При этом наиболее характерны для цифровой среды именно лишенные субъектного состава объективно противоправные деяния. Это связано с обширной дискуссией о правосубъектности различных явлений цифровой среды. Пока она не завершена какими-либо нормативными выводами, спор о субъектном составе того или иного правоотношения каждый раз разрешается в индивидуальном порядке, что говорит о недостатке в системе правового регулирования такого типа отношений.

Нам удалось показать в рамках настоящих тезисов, что изменения, которые происходят с юридическими фактами, носят отнюдь не фрагментарный, а систематический характер, в связи с чем необходима большая научная работа по анализу происходящей с ними цифровой трансформации с целью анализа и выработки решений на перспективу.

Список литературы

1. Samantha Cole. A DIY Coder Created a Virtual AI «Wife» Using ChatGPT // Vice. 2023. URL: <https://www.vice.com/en/article/jgpzp8/a-diy-coder-created-a-virtual-ai-waifu-chatgpt>
2. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961.
3. Архипов В. В. Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований // Журнал «Закон». 2022. № 3. С. 58–74.
4. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского правооборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография в 5 т. М.: Проспект, 2021. Т. 1.
5. Вронская М. В. Трансформация формы сделки в условиях реализации цифровых технологий: актуальные проблемы и перспективы развития // Территория новых возможностей. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-formy-sdelki-v-usloviyah-realizatsii-tsifrovyyh-tehnologiy-aktualnye-problemy-i-perspektivy-razvitiya>

6. Громова Е. А., Петренко С. А. Квантовое право: начало // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(1). С. 62–88.

7. Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 52–62.

8. Матанцев Д. А. Развитие правосубъектности в условиях научно-технического прогресса // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4. С. 41–50.

9. Пучков В. О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права с цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–158.

10. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 30 с. EDN: YRTZMD.